

An abstract painting featuring bold, expressive brushstrokes in a variety of colors including deep blue, bright yellow, vibrant red, and warm orange. The composition is dynamic and textured, with the colors blending and overlapping in a non-representational manner. The overall effect is one of intense energy and emotional depth.

Вопс Костыль

Дура

воис Костыль

Дура

«Автор»

2026

Костыль в.

Дура / в. Костыль — «Автор», 2026

Дура» — это не оскорбление. Это слово, которое всё меняет. Сашка Коваль по кличке Костыль — битый жизнью мужик. Детдом, Чечня, три ходки в СИЗО, клиническая смерть. К тридцати четырём он не верит ни в Бога, ни в любовь, ни в завтрашний день. Маргарита Павловна — майор спецслужб. Двадцать лет в строю. Железная снаружи, хрупкая внутри. Она вербует таких, как Сашка, для войны с криминалом, которая идёт на улицах девяностых. Она вела его два года. Он должен был стать просто инструментом. Но однажды ночью, под дождём, он крикнул ей в трубку: «Дура вы моя!» И с этого момента всё пошло не по плану. Это история о девяностых. О воре в законе Громе. О предательстве и выстрелах. О любви, которая оказалась сильнее пули. И о театре, в который он приходит каждый вечер, чтобы снова её увидеть.

© Костыль в., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дура

Глава

Дура

Мне было тридцать четыре, когда я впервые попал в театр. Не в кино, не в клуб, не в прокуренный зал районного ДК, где крутили порнуху под видом «ночного киносеанса». В настоящий театр. С бархатными креслами, хрустальной люстрой и запахом пыли и старых духов. Я сидел, оглушённый тишиной, и думал только об одном: как я, Саня Коваль, по кличке Костыль, докатился до такой жизни.

А докатился я просто.

Сначала был детдом в Иркутской области — там меня научили драться, воровать уголь из котельной и не плакать. Потом армия — учебка, Чечня, вторая кампания. Там я научился убивать. И умирать — тоже научился, только не до конца: осколок в бедре напоминал о себе при каждой смене погоды, а ещё три шрама на спине и один под ребром. После армии — девятые в разгаре, работы нет, зато есть братва. Я стал водителем. Не в такси. Возил людей, которые не любят свет. Возил документы, которые не показывают на почте. Иногда возил груз, про который лучше не знать. Деньги были, и немалые, но вместе с деньгами пришло и остальное: два покушения, три ходки в СИЗО и одна клиническая смерть.

К тридцати четырём годам я был выжжен изнутри, как старая крышка. Пил много. Спал мало. Друзей не осталось — кто полег, кто сел, кто просто исчез, растворился в лихие времена. Женщины были, но такие же, как я: битые жизнью, с потухшими глазами и пачкой сигарет вместо завтрака. Я не верил ни в Бога, ни в любовь, ни в завтрашний день. Я верил только в одно: рано или поздно пуля найдёт меня. И я был к этому готов.

А потом я встретил Маргариту.

Маргарита Павловна. Я и выговорить-то сначала не мог — язык заплетался. Маргарита Павловна. Будто имя из старого фильма. Будто так звали женщину, которой пишут письма на бумаге, а не эсэмэски.

Познакомились мы в продуктовом магазине. Обычный «Гастроном» на углу, три полки, тусклый свет и продавщица Людка, которая меня знала сто лет. Я зашёл за сигаретами и хлебом. Стоял в очереди, мял пачку в кармане, думал о своём.

Впереди стояла она. Женщина в сером пальто, с корзиной — молоко, гречка, пара яблок. Ничего особенного. Но что-то в ней меня цепануло. Может, то, как она спокойно перебирала мелочь в кошельке, не обращая внимания на очередь. Может, то, как она посмотрела на Людку — не с раздражением, а как-то тепло. Сказала: «Спасибо, Людмила». Не «Людк», не «девушка», а «Людмила». Та аж замерла.

Я тогда ещё не знал, кто она. Не знал, что её «спасибо» и «пожалуйста» — это профессиональная привычка. Что мягкий голос и серое пальто — идеальная маскировка. Что, пока я мял пачку «Примы», она боковым зрением считала номера машин за окном. Что, пока она

перебирала мелочь, в сумочке у неё лежало удостоверение на чужое имя. Что её «Людмила» — это не вежливость, а рефлекс: запоминать имена, лица, детали.

Я стоял и смотрел на неё, как баран на новые ворота. А она вдруг обернулась ко мне и говорит: «Мужчина, у вас глаза красные. Вы вообще спите?»

Я опешил. Обычно ко мне с такими вопросами не лезли. «Не твоё дело», — буркнул я по привычке.

Она не обиделась. Только пожала плечами и отошла к выходу. И тут я сам себя не узнал. Я догнал её на крыльце. «Стой. Извини. Я грубый. Привычка».

Она повернулась, посмотрела на меня — спокойно, изучающе. Я тогда ещё не понимал, что за этим взглядом стоит двадцать лет оперативной работы. Умение за секунду оценить человека: опасен, не опасен, врёт, говорит правду, пригодится, не пригодится. «Привычка хамить? Интересная привычка. Надо бы вам её сменить». — «А на какую?» — «Например, говорить "спасибо" и "пожалуйста". И выспаться. Вы выглядите так, будто вас всю ночь били». — «Почти угадала», — усмехнулся я.

Она не испугалась. Не отшатнулась. Ещё бы. Она знала обо мне то, чего я сам о себе не знал. Знала, где я живу, на кого работаю, с кем сидел и кому перешёл дорогу. Знала мою кличку — Костыль. Знала, что я опасен, но не безнадёжен.

«Меня Маргарита зовут, — сказала она вдруг. — Маргарита Павловна. А вас?» — «Саня. Можно просто Сашка». — «Ну, Сашка, раз уж вы за мной побежали — донесите сумку до автобусной остановки. А то у меня пакет рвётся».

Я молча взял пакет. И пошёл следом. Она шагала легко, быстро, хотя была на каблучках. У остановки остановилась, забрала пакет. «Благодарю. И спокойной ночи. Выспитесь». — «Постараюсь», — сказал я, а сам стоял и смотрел, как она садится в автобус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.